

А.М. Курьшов

ИТОГИ СИБИРСКОЙ ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ РУБЕЖА XIX–XX вв. И ХОЗЯЙСТВО БУРЯТ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ

В 2011 г. исполнилось 115 лет с момента начала землеустроительной реформы в Сибири. Землеустроительная реформа знаменовала собой вторжение государства в процессы эволюционного развития сибирской общины, до того не испытывавшей в отношении внутренних поземельных отношений практически никаких ограничений. Основой реформы стал Закон 23 мая 1896 г., согласно которому земельные наделы сибирских крестьян и «инородцев» (кроме «бродячих») ограничивались 15 десятинами на душу мужского пола¹. Сверх того, на каждую душу мужского пола полагался лесной надел в количестве трех десятин². Землепользование «инородцев» и их переход в крестьянское сословие определялся еще и Правилами 4 июня 1898 г.³ В результате проведения реформы «инородцы» должны были лишиться значительной части своих земель, которая перераспределялась в пользу малоземельных крестьян-старожилов, и составляла колонизационный фонд в интересах переселения крестьян из Европейской части Российской империи. Кочевые «инородцы», на территориях которых землеустроительные работы были завершены, причислялись к оседлым, уравниваясь в правах и обязанностях с русским крестьянским населением⁴. Такое причисление подразумевало ликвидацию старого административно-территориального устройства и утверждение на территориях инородцев единообразной для всей России волостной организации. Одновременно с 1 января 1899 г. подушные сборы и ясак заменялись поземельной (для личного пользования) и оброчной (для общественного пользования) податями (данное положение в Иркутской губернии не распространялось на «кочевых инородцев» Киренского уезда, к которым относились полuosедлые тунгусы)⁵.

В публицистике начала XX в. и позднейшей исторической литературе долгое время было популярно мнение о негативной роли землеустроительной реформы для традиционного хозяйства «инородцев», в частности — бурят, которые являлись и являются самым многочисленным из коренных сибирских народов. Относительно бурят Иркутской губернии сложилось мнение о недальновидной политике правительства, не учитывающей особенностей хозяйственного быта коренного населения⁶. Попытаемся посмотреть на проблему с точки зрения влияния реформы землеустройства на процессы изменения традиционного хозяйства бурят Прибайкалья.

Для определения позиции по вопросу о месте и роли реформы землеустройства в процессе трансформации традиционного бурятского хозяйства, необходимо рассмотреть конкретные результаты реформы. Помимо очевидного сокращения бурятского землепользования, в числе явлений, в той или иной степени отождествляемых со следствиями реформы, исследователями называются интенсификация бурятского земледелия, снижение поголовья скота и изменение его видового состава, углубление имущественного неравенства среди бурят и даже обнищание бурятского населения, снижение численности бурят, подъем национального движения⁷. Заострим внимание на тех социально-экономических итогах реформы, которые чаще других упоминаются исследователями в ряду изменений, произошедших в хозяйственной жизни бурят в конце XIX—начале XX вв. К таковым относятся, прежде всего, потеря бурятами значительной части земель, и, как следствие, изменение форм хозяйственной деятельности.

В ходе реформы землеустройства у бурятского населения была изъята часть земель, ранее находившихся в его пользовании. «...Землеустройство иркутских бурят было превращено в простой грабеж, в циничное, откровенно грубое насилие, поправление самых кровных интересов бурят», — отмечалось в постановлении апрельского 1917 г. съезда бурят Иркутской губернии по земельному вопросу⁸. Исследователи утверждают, что прибайкальские буряты потеряли около половины земель⁹. Очевидно, что при оценке количества изъятой у инородцев земли необходимо помнить, что *фактически* земли изымались у бурят не после завершения землемерных работ или утверждения наделов

комиссией по землеустройству, а только после выдачи населению отводных записей на новые земельные и лесные наделы. Необходимо также учитывать, какие виды угодий были изъяты. Говоря о потерях бурятами земель, нужно оперировать данными по землям, на которые выданы отводные записи.

В результате землеустроительных работ к 1 января 1917 г. по Иркутской губернии было запроектировано в наделы (земельные и лесные) 77,1%, отграничено 54,6%, выданы отводные записи на 37% земель, подлежащих землеустройству (табл. 1).

Таблица 1

**Результаты землеустроительных работ
по Иркутской губернии на 1 января 1917 г.¹⁰**

Виды работ	Балаганский уезд	Верхотенский уезд	Иркутский уезд	Киренский уезд	Нижнеудинский уезд	Иркутская губерния
Подлежало землеустройству, дес.	1 619 018	799 846	1 101 404	411 180	1 060 572	4 992 020
Запроектировано, дес.	1 463 598	371 247	1 083 882	33 180	897 572	3 849 479
Запроектировано, %	90,4	46,4	98,4	8,1	84,6	77,1
Отграничено, дес.	1 313 029	214 268	827 085	–	372 668	2 727 050
Отграничено, %	81,1	26,8	75,1	–	35,1	54,6
Выданы отводные записи, дес.	1 017 917	95 198	651 253	–	81 839	1 846 207
Выданы отводные записи, %	62,9	11,9	59,1	–	7,7	37,0

Эти цифры характеризуют землеустройство всех крестьян (и русских, и бурятских), однако нет никаких оснований полагать, что для земель, находящихся в пользовании именно бурятского населения, эти цифры значительно отличались. По данным переписи 1917 г. (далеко не полным, что признавали сами производители переписи), в пользовании бурят Иркутской губернии (около 20% сельского населения) состояло 21,33% пашни

и 36,47% покосов губернии (без Киренского округа)¹¹. Немалое значение имеет и то, какие земли изымались у «инородцев». В 1917 г. на душу населения у иркутских бурят (а они были, прежде всего, земледельцами¹²) приходилось 1,5 дес. мягкой пашни¹³, т.е., по сравнению с концом 1880-х гг., этот показатель снизился лишь на 28,6%. Нельзя забывать и о том, что далеко не вся изъятая в ходе реформы земля до этого бурятами использовалась. В 1887–1889 гг. «инородцы» сдавали в аренду 97 128,6 десятин пашен и покосов, или 16,3% от их общей площади¹⁴.

Весной 1917 г. по инициативе актива бурятской интеллигенции решением Временного правительства землеустроительные работы на территории Иркутской губернии и Забайкалья были приостановлены¹⁵. В июне 1917 г. губернская комиссия по земским делам разрешила бурятам пользование и всеми свободными пашнями и сенокосами, правда, за плату¹⁶. Несмотря на *номинальную* потерю в результате реформы около половины находящихся в пользовании земель, *фактически* бурятское население продолжало эксплуатировать значительную их часть и после свертывания землеустройства.

С землеустроительной реформой связаны и *качественные* изменения способов хозяйственной деятельности бурятского населения губернии. Связь эта прослеживается, прежде всего, в отказе от переложной (залежной) системы земледелия и переходе к двуполью и трехполью, т.е. от экстенсивного к интенсивному хозяйству. Как показала хозяйственная перепись 1887–1889 гг., в конце XIX в. в Иркутской губернии двупольная система была господствующей. Однако она имела территориальные варианты. Среди русского населения Иркутского и Балаганского округов появлялись зачатки трехпольного севооборота. Близки были к переходу на трехполье жители Китойского и Капсальского ведомств. В русских волостях Нижнеудинского округа и большинстве бурятских ведомств сохранялись остатки залежной системы¹⁷. Связано это было не с традициями землепользования, а с географическими особенностями. В Нижнеудинском округе относительно немногочисленное население проживало на огромной территории, наличие свободных земель обуславливало экстенсивный характер земледелия. В бурятских ведомствах к этому обстоятельству добавлялись низкое ка-

чество степных почв (по сравнению с лесными) и неглубокий, вследствие выдуваемости, снежный покров, что угрожало озимым посевам. Однако уже тогда исследователи отмечали, что в русских волостях главной причиной «залежности» является не быстрое истощение почв, а «маломощность» хозяйств. Другими словами, пахотные земли забрасывались не столько потому, что истощались, сколько потому, что их не успевали или некому было обрабатывать в силу нехватки рабочих рук или отсутствия тяглового скота. В бурятских же ведомствах главной причиной сохранения переложной системы оставались истощение почв и сорняки¹⁸. Под залежами у «иностранцев» находилось в среднем по губернии около 14% пашни, у русских крестьян — около 10%¹⁹. Посевы на жниве (посев озимых после уборки яровых) по губернии составляли в среднем 4,2% посевной площади²⁰. Сокращение земельных угодий и наплыв переселенцев заставляли и бурятское и старожильческое население переходить к более интенсивным способам эксплуатации земли, прежде всего, — к посевам на жниве. К 1917 г. в Иркутской губернии земли, находящиеся под паром составляли более 40% всей пашни, значит, большая часть наличных земель находилась в хозяйственном обороте²¹. У бурят под паром было 43,8% пашни, залежь составляла 7%, т.е., по сравнению с концом XIX в., ее удельный вес в пашне *сократился вдвое*²². В результате, при сокращении площади пашни в целом, посевная площадь, т.е. та часть пашни, которая непосредственно засеивалась сельскохозяйственными культурами, без учета пара и залежей, даже увеличивалась. Так, если по данным местных исследований в 1887–1889 гг. посевная площадь у бурят составила около 103 000 десятин, в 1890 г. — более 106 500 десятин, то в 1911 г., когда землеустроительные работы набирали обороты, и иностранцам уже начали выдавать отводные записи, она выросла до 124 800 десятин²³. Стало необходимым и более рациональное отношение к покосам. Журнал «Сибирский архив» в 1912 г., говоря о XIX в., писал: «Известно, что крестьяне сибирские и иноверцы, по изобилию здесь сенокосных трав, в сенокосе бывают крайне нерадивы, считая покосами одни чистые луговые места; они косят только там, где травы густы и высоки... Такое небрежение производит весной общий почти недостаток в сене»²⁴. Этот вывод подтверждается

и некоторыми архивными источниками. Парадоксально, но до реформы землеустройства обладающие огромными пространствами «инородцы» иногда не могли прокормить свой не очень многочисленный скот, испрашивая солому у властей²⁵. Теперь же, после передела земель, такое отношение к ценнейшему в условиях губернии типу сельскохозяйственных угодий было недопустимо. Известный историк бурятского народа, П.Т. Хаптаев, прямо указывал на то, что сокращение земель у бурят привело к развитию утужной системы²⁶. В 1916 г. из 128 тыс. десятин покосов иркутских бурят, проживающих на территориях, вошедших позднее в состав Усть-Ордынского автономного округа, утугов (орошаемых и удобряемых покосов) было 50 тыс., т.е. около 40%²⁷.

Что касается состава сельскохозяйственных культур, то особых изменений в этом плане не произошло. Как и в конце XIX в., к моменту свертывания землеустройства основными культурами являлись рожь, овес, пшеница, ячмень (перечислены в порядке уменьшения посевных площадей). Причем, если в русских волостях преобладали посевы озимой ржи, то в бурятских ведомствах предпочтение отдавалось яровой (ярице)²⁸. Это объясняется географическими особенностями территорий ведомств (озимая рожь часто вымерзала в степях). Кроме того, яровая рожь устойчива к засухам. Вместе с тем, в некоторых бурятских ведомствах, обеспеченных землями в гористой и лесистой местностях (Китойское, Укырское), озимая рожь также преобладала над яровой, а русские крестьяне Верхоленского уезда выращивали преимущественно ярицу. То есть, посев той или иной культуры зависел не от бытовых особенностей, а от качества почв и географического положения. Однако некоторая интенсификация заметна и здесь. Несмотря на сокращение у бурят в начале XX в. посевов традиционной для них яровой ржи и увеличение посевов ржи озимой (с 1902 по 1909 гг. посев ярицы сократился с 35 372 до 32 014 десятин, а посев озимой ржи увеличился с 17 646 до 18 832 десятин²⁹), прослеживается устойчивая тенденция роста урожайности ярицы, тогда как урожайность озимой ржи изменилась мало. Эта тенденция также является свидетельством качественных сдвигов в бурятском земледелии в рассматриваемый период (табл. 2).

Таблица 2

**Урожайность ржи в русских волостях
и «инородческих» ведомствах в начале XX в.³⁰**

Год	Урожайность яровой ржи, сам-			Урожайность озимой ржи, сам-		
	Волос-ти	Ве-домст-ва	Урожайность в ведомствах к урожайности в волостях, %	Волос-ти	Ве-домст-ва	Урожайность в ведомствах к урожайности в волостях, %
1900	2,4	1,8	75	4,4	3,8	86
1901	2,8	2,3	82	4,1	3,1	75
1902	1,7	1,2	71	3,8	3,2	84
1903	3,0	2,9	97	5,5	5,7	104
1904	3,1	2,8	90	5,0	3,9	78
1905	3,7	3,5	95	4,9	3,7	76
1906	3,8	3,8	100	4,3	3,3	77

С одной стороны, землеустройство, ограничивая площади наделов, заставляло рациональнее использовать имеющиеся земельные ресурсы, что в условиях рыночных отношений крайне важно, с другой стороны, 15-десятинный надел не мог обеспечить товарность хозяйства в части производства хлеба. Упреки в адрес правительства по поводу якобы ничем необоснованной нормы земельного надела (15 десятин) не совсем корректны. Исследования по итогам хозяйственной переписи 1887–1889 гг., учитывавшие географическое положение, урожайность, количество податей и повинностей, нормы продовольствия, определили необходимую для жизни норму площади пашни, которая в среднем по губернии должна была составлять около 8 десятин на хозяйство. Реально только русские Иркутского уезда не имели такого количества пашни³¹. И все же: по данным переписи 1917 г. на бурятское хозяйство в среднем приходилось 7 десятин пашни (у крестьян-старожилов — 9,5 десятин, у новоселов — 6 десятин)³². Хотя переписчиками учитывалась наделная земля (без пашен пятилетнего срока пользования), все же приходится предполагать, что площадь пашни иркутских бурят, достаточная для функционирования натурального хозяйства, не позволяла большинству из них осуществлять товарное зерновое производство.

Вместе с тем реформа землеустройства повысила товарность бурятского хозяйства в части животноводства. Вопреки распространенному среди бурятской элиты начала XX в. мнению о сокращении скота у бурят вследствие недостатка покосов и выгонных степей, следует констатировать в целом по губернии не сокращение поголовья скота, а качественное изменение его состава. По данным И.И. Серебренникова, с 1889 по 1916 гг. у иркутских бурят сократилось количество лошадей со 103 043 до 77 487 голов, но вместе с тем выросло поголовье крупного рогатого скота (КРС) со 174 988 до 228 875 голов³³. Доля лошадей в общем поголовье скота сократилась с 21,7% до 17,3%, а доля КРС увеличилась с 36,8% до 51%. Общая же численность крупного скота увеличилась с 278 031 до 306 362 голов (на 9,4%) (табл. 3).

Таблица 3

*Динамика развития скотоводства у бурят Иркутской губернии в конце XIX–начале XX вв.*³⁴

Вид скота	1887–1889		1916		прирост, %
	количество	% от всего скота	количество	% от всего скота	
Лошади	103 043	21,7	77 487	17,3	–24,8
Крупный рогатый скот	174 988	36,8	228 875	51,0	+30,8
<i>Всего крупного скота</i>	278 031	58,5	306 362	68,3	+9,4
Свиньи	4 410	0,9	18 268	4,1	+314,2
Мелкий рогатый скот	192 597	40,6	123 913	27,6	–35,7
<i>Всего мелкого скота</i>	197 007	41,5	142 181	31,7	–27,8

В изменении соотношения лошадей и КРС отражается тенденция приспособления скотоводства бурят к новым экономическим условиям. Количество голов КРС, всегда преобладающее у иркутских бурят над поголовьем лошадей, что диктовалось спецификой географических условий Прибайкалья (недостаток степей), еще более увеличивается в связи с сокращением землепользования. По отдельным ведомствам динамика численности скота неодинакова. В Харибятском ведомстве Иркутского уезда

в 1899–1916 гг. число лошадей сократилось с 5212 до 5182 (на 0,6%), но поголовье КРС увеличилось с 9506 до 13 900 голов (на 46,2%)³⁵. В Ленском ведомстве до землеустроительных работ, в 1910 г., у населения было 3879 лошадей и 4862 головы крупного рогатого скота. Экономическое обследование 1914 г. зафиксировало в ведомстве уже 2024 лошадей (52,2% от уровня 1910 г.) и 4651 головы КРС (95,7%)³⁶. По отдельным ведомствам фиксируется беспрецедентный рост численности и КРС, и лошадей. Так, в Хоготовском ведомстве (с 1914 г. — волость) Верхоленского уезда с 1908 по 1916 гг. поголовье лошадей увеличилось с 1419 до 2580 (на 81%), КРС — с 4157 до 9280 голов (на 123%)³⁷. Увеличение поголовья КРС и сокращение конских табунов у бурят может рассматриваться как прямая реакция их хозяйства на уменьшение площади выгонных степей, которое, к тому же, приводило к специализации на мясомолочном производстве, и, соответственно, повышению товарности хозяйства³⁸. В то же время происходило сокращение т.н. «мелкого скота», в первую очередь овец. Довольно прихотливые и малопродуктивные животные, овцы все чаще в бурятском хозяйстве уступают место свиньям. Общее поголовье скота к 1916 г. по сравнению с концом 1880-х гг. сократилось на 5,6%, однако, в свете указанных тенденций эта цифра никак не может свидетельствовать об упадке скотоводства у иркутских бурят. Что касается сенокосных угодий, то их площадь, по данным И.А. Асалханова, по губернии только за период с 1915 по 1917 гг. возросла на 27,5%³⁹.

Очень важным представляется и еще одно последствие реформы — официальное закрепление общественного пользования земель. Это последствие не может быть связано с *изменениями* как таковыми, поскольку и до реформы номинально буряты пользовались землей совместно. Значение реформы состоит в том, что в условиях наступления рыночной экономики ею был поставлен своеобразный заслон для распространения законов рынка на такое важнейшее средство производства, каковым является земля. Реформа землеустройства помешала процессу индивидуализации земельной собственности в бурятском обществе.

Итак, реформа землеустройства повлияла на качественные изменения способов традиционной бурятской хозяйственной деятельности, их трансформацию. Однако трансформация, в

данном случае, связана не с изменением вида хозяйственной деятельности, переориентацией хозяйства с одной отрасли на другую, т.е. переходом от скотоводства к земледелию (или от скотоводческо-земледельческого хозяйства к земледельческо-скотоводческому). Изменения носили иной характер и проявились в трансформации *форм* уже сложившегося к началу реформы *земледельческого* хозяйства иркутских бурят. Скотоводство в конце XIX в. являлось для большинства бурят Иркутской губернии таким же важным, но имеющим второстепенное значение видом хозяйственной деятельности, каким для русского населения являлись различные промыслы⁴⁰. Изменения, произошедшие на рубеже веков, состояли, в первую очередь, в *переходе к интенсивному земледелию и оптимизации скотоводства в новых экономических условиях*. При этом землеустроительная реформа явилась не причиной зарождения обозначенных явлений, а катализатором процесса их развития. Этому объективно способствовало ограничение масштабов землепользования, произведенное в ходе реформы. Новые экономические реалии, состоявшие в развитии товарно-денежных отношений, увеличении населения, росте его потребностей, сокращении жизненного пространства и усилении конкуренции, также не являлись следствиями реформы, а были частью широкомасштабного процесса российского освоения Сибири, освоения, происходившего в этот период в условиях распространения рыночных отношений. Землеустройство, в данном случае, являлось лишь инструментом этого освоения. Однако это не умаляет его значения, поскольку реформа решала задачи и другого уровня.

Во-первых, она способствовала дальнейшей рационализации сельского хозяйства. Если раньше рационализация проявлялась в приспособлении к окружающей среде, то теперь она поднялась на качественно иной уровень — приспособление к экономической реальности, основанной на разумном использовании имеющихся ресурсов, и реальности социальной, требующей твердых оснований пользования землей. Трансформация бурятского хозяйства, составной частью и известной причиной которой была реформа, в данном случае заключалась не только непосредственно в изменении хозяйственных форм при сохранении и развитии господствующего способа природопользования (земледелия),

но и в изменении направленности хозяйственной деятельности. Эта деятельность, как и раньше, являлась для большинства населения средством выживания, но теперь не в среде, обусловленной природными условиями, а в окружении набирающих силу рыночных отношений. Изначально прибайкальские буряты, по сравнению с эвенками или тофами, находились в более выгодном положении перед лицом грядущих изменений, поскольку земледелие подразумевает большую степень свободы от природных условий, хотя само является реакцией на них, «благодаря земледелию человек освободил себя от стихийной зависимости от природы»⁴¹. Вот эта-то свобода от «стихийной» зависимости явилась той цементирующей силой, которая позволила традиционному бурятскому хозяйству устоять в новых условиях, изменяясь, трансформируясь в соответствии с ними.

Во-вторых, реформа, хотя косвенно и способствовала ликвидации остатков родовой организации бурят, на самом деле закрепила общественное землепользование. Только теперь пользователем земель выступал не род, а селение или несколько селений. Тем самым, было юридически закреплено сложившееся положение вещей, и тем самым был нанесен удар по национальной буржуазии, уже начавшей передел общественных земель в свою пользу. Данное обстоятельство по своему значению для сохранения традиционного хозяйства является едва ли не основным. Отсутствие частной земельной собственности знаменует не столько «задержку» развития, сколько сохранение оптимальных в данных географических условиях способов хозяйственной деятельности, поскольку поддерживает приоритет общественных интересов над интересами частными, который, в свою очередь, является неотъемлемым признаком традиционного хозяйства.

В-третьих, будучи по своей сути *уравнительной*, реформа произвела передел земли, выгодный для неимущих бурят и русских крестьян, чем в известной степени способствовала улучшению материального положения бедняков. Наряду с сохранением общинного землепользования, это последствие реформы свидетельствует о заинтересованности государственной власти в стабильности «инородческого» хозяйства.

В-четвертых, ограничивая земельные наделы инородцев 15 десятинами, что для земледельческо-скотоводческого хозяй-

ства было достаточно в плане жизнеобеспечения, но недостаточно для хлебного товарного производства, реформа *опосредованно* способствовала товарной специализации бурятского хозяйства на животноводстве.

Реформа землеустройства сибирских инородцев является ярким примером активного вмешательства российского государства в экономику, что, в свою очередь, вытекает из особенностей исторического развития России. В этом плане правительство действовало в полном соответствии с традициями российской власти. Однако условия, в которых пришлось проводить реформу, значительно отличались от условий предыдущих лет, — это было время триумфального шествия капитализма по стране. Аграрные реформы начала XX столетия превратились в узел противоречий, составными частями которого были: необходимость решения вопроса малоземелья в Европейской России при сохранении помещичьего землевладения; необходимость рационализации сельского хозяйства при сохранении общинного землепользования; необходимость хозяйственного освоения сибирских просторов при сохранении традиционного хозяйства коренных народов. Все это в совокупности определило противоречивый характер аграрных реформ в целом, и реформы землеустройства сибирских крестьян в частности.

Примечания

¹ Высочайше утвержденное 23 Мая 1896 г. мнение Государственного Совета о главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской о главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // Сборник узаконений и распоряжений по поземельному устройству крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. СПб., 1898. Ст. 5. С. 2.

² Там же. Ст. 11. С. 3.

³ См.: Высочайше утвержденные 4 Июня 1898 г. Правила о порядке определения земельных наделов и производства поземельно-устроительных работ и об отводе лесных наделов, определении лесного налога и пользовании лесными наделами в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской о порядке определения земельных наделов и про-

изводства поземельно-устроительных работ и об отводе лесных наделов, определении лесного налога и пользовании лесными наделами в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // Сборник узаконений и распоряжений по поземельному устройству крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской... С. 25–57.

⁴ Высочайше утвержденное 4 Июня 1898 г. мнение Государственного Совета по проекту правил о порядке определения земельных наделов и производства поземельно-устроительных работ и об отводе лесных наделов, определении лесного налога и пользовании лесными наделами в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // Сборник узаконений и распоряжений по поземельному устройству крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской... Ст. 16; Примечание 2 к ст. 26 С. 23; см., также: Положение об инородцах // Свод законов Российской империи (в четырех книгах). Книга первая. Т. I–IV. М., 1910. С. 540, 541.

⁵ Высочайше утвержденное 19 Января 1898 г. мнение Государственного Совета о замене взимаемых в Сибири подушных сборов государственною оброчною и поземельною податями // Сборник узаконений и распоряжений по поземельному устройству крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской... Ст. I, II. С. 14; Высочайше утвержденное 4 Июня 1898 г. мнение Государственного Совета... Ст. 7. С. 24.

⁶ См., например: Григорьев В. К вопросу о поземельном устройстве инородцев в Сибири // Сибирские вопросы. 1906. № 2. С. 58; История Бурят-Монгольской АССР. Т. I. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1951. С. 479; Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября (К вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции). Иркутск, 1966. С. 40; Богданов Г.Н. Бурятское население Иркутской области (губернии) и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в XX веке // Бурятское население Иркутской области (губернии) и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в XX веке: Материалы межрегиональной науч.-практ. конф. Иркутск, 7–8 июня 2001 г. Иркутск, 2002. С. 26.

⁷ См., например: Братский М. Очерк бурятского хозяйства в Балаганском уезде Иркутской губернии // Сибирские вопросы. 1906. № 2. С. 279; Хаптаев П.Т. Краткий очерк истории бурят-монгольского народа. Улан-Удэ, 1942. С. 120; Богданов Г.Н. Указ. соч. С. 38.

⁸ Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг. Документы и материалы. Улан-Удэ, 1994. С. 13.

⁹ И.И. Осинский говорит о потере иркутскими бурятами 53,3% своих земель (Осинский И.И. Исторические особенности социальной структуры бурятской народности в дооктябрьский период // Бур. пед. ин-т им. Д. Банзарова. Уч. записки. Вып. XXXV. Улан-Удэ, 1970. С. 178), Л.М. Дамешек упоминает о сокращении земельных наделов бурят в

результате землеустроительных работ на 944 815 десятин, или на 47% (История Усть-Ордынского бурятского автономного округа / отв. ред. Л.М. Дамешек. М., 1995. С. 217). И.А. Асалханов в своей монографии «Сельское хозяйство Сибири конца XIX–начала XX в.» приводит данные о потере «кинороддами» Иркутской губернии в результате землеустройства к 1916 г. 945 115 десятин (Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX–начала XX в. Новосибирск, 1975. С. 69).

¹⁰ Рассчитано по: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1797. Оп. 1. Д. 542. Л. 249, 249об., 250об.

¹¹ Рассчитано по: Итоги предварительного подсчета материалов переписи 1917 года по Иркутской губернии. Иркутск, 1919. С. 414–415, 436–437, 458–459, 480–481.

¹² См.: Курьшов А.М. Трансформация земледелия у бурят Иркутской губернии на рубеже XIX–XX вв.: потрясение хозяйства или его модернизация // Историко-экономические исследования. 2003. № 2–3. С. 51–62.

¹³ Рассчитано по: Итоги предварительного подсчета материалов переписи 1917 года... С. 473, 480.

¹⁴ Рассчитано по: Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Т. II. Вып. III. Москва, 1890. С. 262; Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Т. II. Вып. VI. Иркутск, 1892. Поселенные таблицы. С. 69, 79.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 154. Л. 2.

¹⁶ Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 251. Оп. 3. Д. 2. Л. 10–11.

¹⁷ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Т. II. Вып. IV. Москва, 1890. С. 19.

¹⁸ Там же. С. 10–14.

¹⁹ Рассчитано по: Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. IV. С. 10–11; Вып. VI. Поселенные таблицы. С. 67, 77.

²⁰ Асалханов И.А. Указ соч. С. 136.

²¹ Зуляр Ю.А. Очерки истории природопользования в Байкальском регионе в XX веке. Иркутск, 2002. С. 200.

²² Рассчитано по: Итоги предварительного подсчета материалов переписи 1917 года... С. 480.

²³ Рассчитано по: Материалы по следованию землепользования... Т. II. Вып. IV. С. 98; Вып. VI. Поселенные таблицы. С. 80–81; Обзор Иркутской губернии за 1890 год. Иркутск: Губернская типография, 1891. С. 3; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 408. Оп. 1. Д. 1024. Л. 20.

²⁴ И.С. К истории бурятского хозяйства // Сибирский архив. 1912. № 3. С. 171–172.

- ²⁵ НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 904. Л. 5.
- ²⁶ Хаптаев П.Т. Указ соч. С. 120.
- ²⁷ Дресвянский Ф.Д. Земледельческое освоение территории Усть-Ордынского бурятского национального округа в дореволюционный период // Хозяйственное освоение и заселение районов Сибири (Дореволюционный период). Иркутск, 1975. С. 156.
- ²⁸ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. IV. С. 54.
- ²⁹ Обзор Иркутской губернии за 1902 год. Иркутск: Губернская типография, 1903. Приложения. Ведомость № 1; Обзор Иркутской губернии за 1909 год. Иркутск, 1911. Приложения. Ведомость № 1.
- ³⁰ Составлено по: Обзор Иркутской губернии за 1900 год. Иркутск, 1901. С. 2; Обзор Иркутской губернии за 1901 год. Иркутск, 1902. С. 2; Обзор Иркутской губернии за 1902 год. С. 2; Обзор Иркутской губернии за 1903 год. Иркутск, 1904. С. 2; Обзор Иркутской губернии за 1904 год. Иркутск, 1905. С. 2; Обзор Иркутской губернии за 1905 год. Иркутск, 1907. С. 2; Обзор Иркутской губернии за 1906 год. Иркутск, 1909. С. 2.
- ³¹ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. IV. С. 119.
- ³² Рассчитано по: Итоги предварительного подсчета материалов переписи 1917 года... С. 483–484.
- ³³ Серебренников И.И. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование. Т. 1 / под ред. проф. Н.Н. Козьмина. Верхнеудинск, 1925. С. 90.
- ³⁴ Составлено по: Серебренников И.И. Указ соч. С. 90; Батуева И.Б. Скотоводство в системе традиционного хозяйства бурят // Бурятия XVII–начала XX вв. Экономика и социально-культурные процессы. Новосибирск, 1989. С. 55.
- ³⁵ НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 904. Л. 5; РГИА. Ф. 433. Оп. 3. Д. 50. Л. 48.
- ³⁶ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 151. Оп. 1. Д. 710. Л. 21; ГАИО. Ф. 151. Оп. 2. Д. 14. Л. 15.
- ³⁷ НАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 441. Л. 19а; РГИА. Ф. 433. Оп. 3. Д. 50. Л. 570.
- ³⁸ Хаптаев П.Т. Краткий очерк истории бурят-монгольского народа. С. 120.
- ³⁹ Асалханов И.А. Указ. соч. С. 229.
- ⁴⁰ Материалы по исследованию землепользования... Т. II. Вып. IV. С. 94.
- ⁴¹ Кучуков Р., Савка А. Приоритет экологических ценностей в процессах устойчивого развития // Экономист. 2001. № 6. С. 92.